

Советский
" 15.V.58
Россия "

ТЕАТР

Неувядаемые образы

Любовь к драматургии М. Горького — одна из давних и самых прочных привязанностей советского театра. Сокрушительная сила горьковских обличений, безмерное уважение писателя к людям мощным, незаурядным, способным бороться против повседневной корысти и обыденного лицемерия, всегда увлекали советских режиссеров и актеров.

Ныне Горький-драматург снова в центре общественного внимания. Этому способствовали такие интереснейшие режиссерские работы последнего времени, как «Дачники», поставленные А. Лобановым в Московском театре им. Ермоловой, «На дне» в постановке Л. Вивьена в Ленинградском театре им. Пушкина. Новые успехи были особенно заметны в дни фестиваля горьковских спектаклей, состоявшегося на родине писателя, в городе, носящем его имя.

Все крупнейшие зрительные залы города были переполнены. Во дворцах культуры — Сормовском и Канавинском, — как говорится, яблоку негде было упасть, когда Казанский большой драматический театр имени Качалова показывал спектакль «Старик». Пьеса «Фальшивая монета», о которой еще совсем недавно спорили, сценична она или не сценична, шла при полном зале в постановке Горьковского театра драмы. Огромный успех выпал на долю замечательной постановки Малого театра «Васса

Железнова»: после окончания спектакля зрители не расходились добрых полчаса, восторженно аплодируя исполнительнице заглавной роли В. Пашенной и ее достойным партнерам — М. Жарову, Е. Солодовой, В. Обуховой, молодым артистам Г. Егоровой, Э. Сергееву.

Что отличает лучшие горьковские спектакли последних лет? Следует отметить главное — новый подход к воплощению горьковской драматургии, наметившийся в творческой практике театров за последние годы. С этой точки зрения особенно интересны спектакли «Старик» и «Фальшивая монета», которые ставились раньше очень редко.

Режиссеры долго не могли «подобрать ключ» к горьковской драме «Старик». Ее склонны были воплощать на сцене как драму чисто философскую, отрывая ситуацию пьесы от жизненной конкретности быта, человеческих характеров.

В иных постановках «Старика» последовательно реалистическая манера Горького уступала место рассудочной символической. Спектакль Казанского театра (режиссер Э. Бейбутов) может служить прекрасным и убедительным аргументом в защиту необходимости горьковской пьесы «подробности жизни». Самая значительная фигура этого спектакля, несомненно, Старик в исполнении Н. Якушенко. Артист вовсе не пытается изоб-

разить его неким бесплотным носителем идеи злобной мести. Ста-

рик — Якушенко, конечно, влюблен в собственное страдание, но еще больше любит причинять страдание другим. Это человек юркий, нагловатый, сытый и, главное, весьма деловитый и ловкий. Нищенское одеяние его аккуратно залатано, котомка туго набита.

Да, это «странник», бродяга, каких немало можно было встретить на дорогах старой Руси. Но странник далеко не забытый, не жалкий — чувствуется, уютно живет человек. знает свою выгоду. Голос у него твердый, уверенный, интонации хозяйские. Расчетливым шантажистом приходит он в дом Мастакова, в дом человека, чью тайну он знает и за чей счет твердо намеревается поживиться. Когда такой бродяга-делец начинает смаковать свои прежние страдания, чваниться и хвастаться ими, заветное горьковское желание показать «как отвратителен человек, влюбленный в свое страдание», осуществляется с огромной убедительностью. Активный способствует раскрытию этой мысли и Е. Лисецкая в роли Девы. Артистка превращает свою «героиню», тупую, глупую, фанатично покорную Старiku, в живое свидетельство против его мертвящей, злобной силы.

Если успех «Старика» — прежде всего заслуга режиссера Э. Бейбутова и исполнителя заглавной роли Н. Якушенко, то успех «Фальшивой монеты» — это побе-

да всего актерского ансамбля и режиссера М. Гершта, воплотивших, бесспорно, труднейшую в сценическом отношении пьесу Горького. По существу спектакль Горьковского театра драмы впервые с необходимой полнотой раскрывает основные идейные и художественные мотивы этого произведения, над которым Горький работал особенно долго и упорно.

Внешне сравнительно несложный сюжет «Фальшивой монеты» скрывает глубокую мысль о том, что лицемерие и фальшь неизбежны в мире, подчиненном власти денег, в «царстве, где смрад». Часовщик Яковлев, женившись на Полине, спас ее от позора, от суда. Кажется, благородный поступок? Да, но только на первый взгляд: оказывается, Полина нужна Яковлеву для его собственных корыстных целей: она должна послужить «ширмой», скрывающей его жульнические махинации.

М. Гершт проник к сердцевине этой драмы принципиально тем же путем, каким шли Э. Бейбутов и Н. Якушенко к своей трактовке «Старика». Режиссер рассматривает каждого героя не как «носителя» той или иной идеи, а прежде всего как человека, поглощенного своими повседневными интересами, своими корыстными расчетами или честными движениями души. Именно в конкретных столкновениях этих интересов, в острой драматической борьбе живых, очень несхожих, а порой и нелепых людей обнаруживает режиссер главную мысль пьесы — мысль о «фальшивой монете» лжи и лицемерия, которыми размени-

вается чистое, неподдельное чувство двух подлинных горьковских героинь — Полины и Наташи.

Такой подход к пьесе придает удивительную полноту сценической жизни даже самым скромным ее персонажам. Сравнение с главными образами произведения — с Полиной, которую прекрасно играет Э. Суслова, с часовщиком Яковлевым в сочном и энергичном воплощении Н. Левкоева, с Наташей — Л. Дроздовой, Кемским — В. Разумовым и остро очерченной фигурой Лузгина — В. Соколовского выдерживают и Клавдия — Р. Ватурина, и Дуня — Г. Кузнецова, и Глинкин — Н. Волошин, и великолепно сыгранный Ефимов — Г. Писарев. Весь спектакль проникнут бурным драматизмом горьковского ощущения жизни, страстным горьковским протестом против фальши и фарисейства. А потому с пьесы полностью снимается витавший над ней ореол загадочности, неясности. Некоторых уточнений требует еще, правда, образ Стогова. Артист Б. Костин слишком щедро наделяет Стогова обаянием, а потому озлобленность и душевная опустошенность этого человека не выступают с нужной рельефностью.

Лучшие горьковские спектакли, показанные в дни горьковского фестиваля, красноречиво говорят о неумирающей силе драматических произведений великого писателя, о широком просторе, который дает его творчество для ищущей мысли и смелой инициативы режиссеров и актеров советского театра.

К. РУДНИЦКИЙ.